

ЭКОНОМИСТ В АУДИТОРИИ

А. Хуоокормов

ДЖОЗЕФ СТИГЛИЦ - ЛИДЕР «ИНФОРМАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ» И «НОВОГО КЕЙНСИАНИЗМА»*

Воззрения этого видного американского экономиста — главы Совета экономических консультантов при президенте Б. Клинтоне, бывшего первого вице-президента Всемирного банка, лауреата Нобелевской премии по экономике 2001 г. — могут быть квалифицированы как синтетические. Анализ Дж. Стиглицем социально-экономической обстановки в США и во всем мире, выявление «эгоизма» американских корпораций и «российских приватизаторов» по манере изложения и выводам напоминает исследования известного институционалиста Дж. Гэлбрейта. В критике неоклассического направления (как теории, так и программы) явственно слышатся посткейнсианские мотивы (обнаруживается преемственность, в частности, с разработками Дж. Робинсон и С. Вайнтрауба). Проблема социального неравенства (в плане неравного обладания информацией, а значит, и экономической властью) в приложении к отдельным индивидам, социальным стратам и целым государствам раскрывается в духе левореформаторских, социал-демократических идей.

Стиглиц, как никто другой, умело синтезирует экономическую теорию с практикой. Крупный хозяйственный эксперт, мыслитель, почти всегда доводящий абстрактно-теоретические рассуждения до практических выводов, — именно в таком облике предстает перед нами этот исследователь экономики «ревущих» 90-х годов и «тревожных тенденций» глобализации¹.

В сфере абстрактной теории Стиглиц — лидер «нового кейнсианства» — левостранного экономического течения, возникшего в 80—90-е годы на волне кри-

Александр Георгиевич Худокормов, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой истории народного хозяйства и экономических учений экономического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

В основе публикации — одноименная глава выпускаемой издательством «ИНФРА-М» (в серии «Учебники экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова», которая отчасти характеризовалась в материале А. Некипелова и М. Головина в предыдущем номере нашего журнала) книги автора «Экономическая теория: новейшие течения Запада», воплощающей пионерный опыт преподавания соответствующего спецкурса для магистров. Статья публикуется в продолжение линии редакции на ознакомление читателей, в том числе, разумеется, вузовских преподавателей, со взглядами экономистов-лауреатов Нобелевской премии, оппонировавших неоклассическому «мэйнстриму» в общей экономической теории и конструктивно критикующих радикально-либералистскую модель реформирования экономики, реализуемую в постсоветской России [см., в частности: Реформы глазами американских и российских ученых / Общ. ред. О. Т. Богомолова. — М.: Российский экономический журнал, Фонд «За экономическую грамотность», 1996; Дж. Тобин и н. Теорема о «невидимой руке» должна быть модифицирована (фрагменты статьи «Вызовы и возможности»). Послесловие А. Некипелова и Р. Гринберга. — 2002. — № 3; Богомолов О. Нобелевский лауреат о российских реформах (о важной сюжетной линии книги Дж. Стиглица «Глобализация и недовольство ею»). — 2004. — № 1; К десятилетию выхода книги «Реформы глазами американских и российских ученых» (размышления О. Богомолова и В. Куликова). — 2006. — № 11-12].

¹ См.: Стиглиц Джозеф. Глобализация: тревожные тенденции. — М.: Мысль, 2003; его же. Ревущие девяностые. Семена развала. — М.: Современная экономика и право, 2005.

тики прежнего кейнсианско-маржиналистского синтеза (представленного в трудах П. Самуэльсона, Дж. Хикса, Э. Хансена), но в первую очередь — как протестная реакция на победу неоконсервативных, ультралибералистских теорий.

Видный французский экономист, профессор Сорбонны, Антуан д'Отюм определяет «новое кейнсианство» как такое ответвление кейнсианской теории, которое приняло теоретический вызов, «чтобы оспорить монополию новых классиков на поиск микроэкономических основ макроэкономики»². Отдавая должное другим представителям новой школы, д'Отюм считает ее основоположником именно Стиглица, награжденного, как уже было сказано, Нобелевской премией по экономике 2001 г. (совместно с Джорджем Акерлофом и Майклом Спенсом).

1. На пути к новой исследовательской программе

В инаугурационной нобелевской лекции, озаглавленной «Информация и смена парадигмы в экономической науке», Стиглиц специально подчеркивает, что в случае с «информационной экономической теорией» (т.е. «новым кейнсианством», акцентирующим асимметрию и прочие несовершенства рыночной информации) речь идет именно о новом направлении анализа, или новой исследовательской программе, «охватывающей сегодня сотни, может быть, тысячи исследователей по всему миру»³.

Изложению собственной концепции ученый предпосылает упоминания о некоторых фактах своей биографии. Оказывается, уже в начале 60-х годов, приступая к изучению экономической теории, он был поражен несоответствием моделей, которые ему преподавались, реальной жизненной обстановке. Стиглиц родился в городе американских металлургов — Гэри (штат Индиана), который был основан в 1906 г., но позже пришел в упадок вместе с упадком сталелитейной промышленности США. К концу прошлого века Гэри «деградировал настолько, что стал тенью самого себя. Но даже годы его наивысшего расцвета были омрачены бедностью, периодической безработицей и массивной расовой дискриминацией». Между тем, продолжает автор, «теории, которым нас учили, уделяли мало внимания проблеме бедности, утверждая, что на всех рынках спрос всегда совпадает с предложением, включая рынок труда, так что безработица должна быть не более чем фантомом, и что мотивация прибыли обеспечивает отсутствие дискриминации»⁴.

Из предложенных теорий следовало: поскольку рыночная экономика «эффективна в смысле Парето», мы некоторым образом «живем в наилучшем из миров». Однако собственные устремления молодого Стиглица состояли в ином. «Мне казалось, — пишет он, — что мы должны приложить усилия к тому, чтобы создать другой мир»⁵. Очевидно, что за этим стояло принципиально иное мировоззрение, нежели то, что вдохновляло консерваторов и рыночных фундаменталистов.

² История экономических учений (современный этап): Учебник / Под общ. ред. А. Г. Худокормова. — М.: ИНФРА-М, 1999. — С. 402 (Д'Отюм — автор главы «История макроэкономической теории» названного учебника).

³ Цит. по: Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков. В 5 т. / Сопред. научно-ред. совета Г. Г. Фетисов, А. Г. Худокормов. Т. V. В 2 кн. Всемирное признание: Лекции нобелевских лауреатов / Отв. ред. Г. Г. Фетисов. Кн. 1. — М.: Мысль, 2005. — С. 535. Все последующие ссылки на вышеназванную лекцию тоже даются по этому изданию (в двух книгах его пятого тома представлены тексты лекций всех лауреатов Нобелевской премии по экономике до 2003 г. включительно).

⁴ Там же. - С. 536.

⁵ Там же.

Еще больший разрыв между традиционной теорией и реальной жизнью был обнаружен Стиглицем в странах «третьего мира», в том числе в Кении, где он работал некоторое время (в 1969 г.); по его мнению, «модели современного рынка, обнаружившие недостатки в условиях Европы и Америки, в развивающихся странах оказались вообще непригодными»⁶. Стиглиц отмечает, что ранее он «никогда не видел той массовой безработицы, которая характерна для африканских городов, безработицы, не объяснимой ни наличием профсоюзов, ни законами о минимальной заработной плате»⁷, т.е. не подвластной объяснениям, которые приводят неоконсерваторы-неоклассики для интерпретации причин неполной занятости.

Но острое неприятие молодого исследователя вызывал не только рыночный фундаментализм неоклассического толка. Как и Акерлоф, Стиглиц рано осознал крупные недостатки послевоенного ортодоксального кейнсианства, в особенности — «неоклассического синтеза». Рассуждая о кризисе в 70-х годах кейнсианских идей, он пишет, что им явно не хватало адекватной микроэкономической базы: «Попытки построить новое макроэкономическое учение на основе *традиционной* микроэкономики, исходившей из допущения о бесперебойно функционирующих рынках, были обречены на неудачу»⁸. Таким образом, назрела необходимость в новой теории, которая бы перестроила микроэкономические основы с учетом несовершенства рыночной информации и тем самым уже на макроуровне смогла объяснить, «почему в экономике происходит каскадное усиление шоковых воздействий и почему они возникают вновь», а также раскрыть подлинные причины существования массовой безработицы, кредитных ограничений и других несовершенств рыночного хозяйства⁹.

По словам Стиглица, во времена его молодости в экономической теории господствовало «формальное моделирование», проводники которого упорно концентрировали внимание на моделях с совершенной информацией. Конечно, большинство специалистов понимало: информация в действительности несовершенна. Однако исходя из широко известной маршаллианской формулы «природа скачков не делает» авторы наиболее распространенных моделей продолжали думать, что экономика с несовершенной информацией очень похожа на экономику с информацией совершенной.

Такова, по мнению ученого, наиболее общая методология моделей конкурентного равновесия; не более убедительным для него является их собственно теоретическое содержание. Каков же перечень «законов», поколебленных, полагает Стиглиц, новой «информационной парадигмой»? Им утверждается, что в рамках новой информационной теории осуществлен «подрыв» самих основ конкурентно-равновесного анализа, в том числе «закона спроса и предложения», согласно которому равновесие характеризуется «очищением» рынка, «закона единой цены», в соответствии с коим один и тот же товар продается на всем рынке по единой цене, «закона конкурентной цены», гласящего, что цена в состоянии равновесия равна «предельным издержкам», и наконец, «закона убывающей отдачи»: хотя он и не

Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков. Т. V. Кн. 2. — С. 537.

Там же.

Там же.

См.: там же. — С. 538.

был опровергнут полностью, однако был ограничен в дееспособности, или, как сформулировал исследователь, ограничен в смысле сокращения «области его справедливости»¹⁰.

Стиглиц и его коллеги установили: когда цены влияют на качество результата (через стимулирование или отбор), равновесие характеризуется несовпадением спроса и предложения, ибо фирмы предпочитают не платить пониженную заработную плату, а кредитные институты не повышают чрезмерно ставку процента, причем, даже если и те, и другие имеют такую возможность. Дело в том, что привлечение дешевой рабочей силы в конечном счете только увеличивает издержки фирм на труд (из-за снижения его качества), равно как слишком высокие процентные ставки только умножают число банкротов среди заемщиков и уменьшают прибыли кредиторов. Далее утверждалось: рынок характеризуется не единством, а значительным разбросом как цен на товары, так и заработных плат (даже когда в экономике отсутствуют экзогенные возмущения, а все фирмы и наемные работники в любых других отношениях одинаковы). Кроме того, доказывалось, что в состоянии равновесия фирмы могут назначать цены и заработные платы выше предельных издержек. Этот избыток, разъясняет Стиглиц, необходим для создания стимулов и поддержания профессиональной репутации фирмы. Но, как было выявлено еще в работах Э. Чемберлина и Дж. Робинсон, цены могут оказаться завышенными и без «рен-ты репутации», вследствие несовершенства конкуренции. Наконец, эффект монополии и олигополии — фактор подрыва закона убывающей отдачи, поскольку отдача от большего капитала растет по принципу возрастающей доходности. Таким образом, отрицались «краеугольные камни» современного западного «мэйнстрима». В отношении каждого из указанных законов (среди которых, стоит повторить, такие фундаментальные установления стандартной теории, как закон спроса и предложения, закон убывающей доходности, закон предельных издержек) «было получено опровержение или показано, что он справедлив в гораздо более ограниченных условиях»¹¹.

Но коль скоро контраргументируются закономерности, которые западные ортодоксы считают незыблемыми, можно констатировать, что полемика внутри «экономике» приобрела нешуточную остроту. Уже одно это опровергает небезызвестный тезис, согласно которому разногласия представителей западных экономических теорий носят второстепенный или даже третьестепенный характер на фоне их принципиального методологического и теоретического единства. Анализ лекций нобелевских лауреатов по экономике убеждает в том, что такое единство весьма относительно и что даже на самом верху научной пирамиды, среди ее «небожителей», согласия нет. Идиллия идейной солидарности и академического спокойствия здесь отсутствует.

2. Информационная парадигма: новая теория заработной платы и занятости

Нобелевская лекция Стиглица обширна, в ней затрагивается множество проблем. Но как истинный кейнсианец автор считает одну из них главной, и речь идет о проблеме безработицы. «Из всех провалов рынка, — полагает он, — самыми серьезными являются длительные периоды недоиспользования ресурсов — в особенности

¹⁰ См.: *Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков.* Т. V. Кн. 2. — С. 553.

¹¹ Там же.

человеческих ресурсов»¹². Ученый отмечает, что господствующая неоклассическая парадигма трактует безработицу «как явление, в основном отражающее вмешательство в свободное функционирование рыночного механизма... Откуда напрашивался очевидный вывод: безработица будет ликвидирована, если сделать рынки более гибкими, т.е. устранить вмешательство государства и профсоюзов. С этой точки зрения, — не без сарказма заключает Стиглиц, — даже если заработная плата упала во время Великой депрессии на одну треть, ей следовало бы упасть еще ниже»¹³.

Сначала сомнения в пригодности, а затем и твердая убежденность в несостоятельности неоклассического подхода к проблеме занятости и к другим коренным проблемам рыночной экономики поставили перед ним и его коллегами принципиальный вопрос о том, «не представляет ли безработица собой только вершину айсберга, не является ли она симптомом более глубоких дефектов рынка, которые просто труднее обнаружить»¹⁴. Развиваемая Стиглицем теория «информационной экономики» подводит его к утвердительному ответу на этот вопрос.

Разработка собственной теоретической альтернативы началась с пересмотра всех посылок и стандартных «теорем», лежащих в основе традиционных неоклассических концепций. Впрочем, в работах ученого подвергнуты критике и новейшие проявления рыночного фундаментализма, характерные, в частности, для школы «рациональных ожиданий», или «новой классической теории» Р. Лукаса, Э. Прескотта, Ф. Кидланда и др. Хотя эти авторы не могут не признать факты «несовершенства» информации, они полагают, что ожидания экономических агентов «рациональны», а значит, не допускают избыточного предложения труда на рынке. Кроме того, модели с репрезентативным, рационально мыслящим и действующим участником «изначально исключали информационные асимметрии, которые составляют сердцевину макроэкономических проблем». Между тем, замечает Стиглиц, «тот, кто начинает с допущений, что рынок «очищается», вряд ли способен разобраться в причинах безработицы (т.е. в случае, когда рынок труда не очищается)»¹⁵.

В своей теории заработной платы и занятости он последовательно исходит из посылки о несовершенстве информации на рынке труда. Во-первых, работодатель заинтересован в нахождении способа отбора работников на имеющиеся вакансии при сокрытии соответствующей информации от конкурентов (однако сохранить эту тайну зачастую не удастся, и конкуренты начинают переманивать лучших работников, что порождает острую проблему присвоения выгод от владения информацией). Во-вторых, существует «информационная асимметрия» между наемным работником и работодателем: работник знает уровень своей профессиональной пригодности, но таковой не известен его нанимателю. Если уровень, о котором идет речь, выше среднерыночного, работник заинтересован в адекватной информированности работодателя о своей профессиональной пригодности, но если ниже, — у работника появляется стимул «темнить». Все это создает на рынке труда завесу секретности, или, как пишет Стиглиц, «дефицит прозрачности»¹⁶.

¹² Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков. Т. V. Кн. 2. — С. 585.

¹³ Там же. — С. 543.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. - С. 585.

¹⁶ См.: там же. - С. 544-545.

В подобных обстоятельствах (несовершенства информации и заключаемых контрактов) возникает множество причин, в силу которых производительность начинает непосредственно зависеть от величины зарплаты. Простейшее объяснение состоит в том, что низкий ее уровень заставляет фирму нести издержки, связанные с повышенной текучестью кадров. Следовательно, понижение заработной платы подчас невыгодно фирмам даже при избыточности предложения труда. Кроме того, пытаясь сэкономить на оплате персонала, они рискуют остаться с плохими или посредственными работниками, тогда как хорошие уйдут на сторону. В конечном счете «фирме выгодно платить заработную плату, более высокую, чем минимально необходимая, для привлечения более качественной рабочей силы». Такую повышенную зарплату Стиглиц именуется «поощрительной», или «эффективной» («efficiency wage»)¹⁷. Последняя, по мнению ученого, становится повсеместным явлением, ибо, если одной фирме выгодно платить высокую заработную плату, то это оказывается выгодным и всем остальным фирмам. Между тем в условиях полной занятости повышенная зарплата теряет свое стимулирующее значение, поскольку уволенный работник может сразу же найти другое рабочее место с тем же денежным вознаграждением. Но, коль скоро полной занятости экономика не обеспечивает, «небрежность получает свою цену». Таким образом, «в состоянии равновесия должна присутствовать безработица: она является дисциплинирующим механизмом, побуждающим наемного работника к добросовестной работе»¹⁸.

Стоит отметить жесткий тон полемики ученого с неоклассической ортодоксией. Он пишет, например, что «положение, лежащее в основании большей части традиционного анализа конкурентного равновесия — о том, что рынок обязательно «очищается» — является просто неверным в условиях несовершенной информации»¹⁹. В реальных же равновесных условиях желательная для большинства фирм повышенная заработная плата для занятых реально сосуществует с избытком предложения (безработицей) на рынке труда²⁰. В комментируемой нобелевской лекции есть и следующий пассаж: «...На товарных рынках фирмы должны чувствовать, что теряют доход, если от них уходит клиент, разочарованный плохим качеством их товара, поэтому рыночная цена должна быть выше предельных издержек производства»²¹. Таким образом, «долгое время считавшееся незыблемым положение о том, что цена конкурентного равновесия равна предельным издержкам, утрачивает силу на рынках с несовершенной информацией»²².

Казалось бы, Стиглиц выполнил свое обещание по созданию новых — немаржиналистских — микрооснов для кейнсианской макроэкономической теории. Однако его антимаржинализм ограничен. Реальные альтернативы маржинализму — трудовая теория стоимости К. Маркса, неорикардянская теория цены П. Сраффы²³ — наряду с критикой теорий предельной полезности и предельной произво-

¹⁷ Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков. Т. V. Кн. 2. — С. 546.

¹⁸ Там же. — С. 547.

¹⁹ Там же.

²⁰ «Теория эффективной заработной платы предполагает, что и в условиях равновесия может существовать безработица» (там же).

²¹ Там же. — С. 577.

²² Там же.

²³ Определенные соображения относительно соотношения марксовской теории стоимости и концепции «неорикардянца в стане посткейнсианцев» Сраффы сформулированы в разделе «О попыт-

длительности содержат противопоставляемый им позитив, а в трудах Стиглица таковой не просматривается: он указывает только, что, скажем, заработная плата (цена труда) в условиях несовершенства информации представляет собой устойчивое отклонение денежной оценки труда от предельных издержек (в данном случае в сторону повышения).

Но в одном отношении ученый безусловно прав: современный высокоразвитый капитализм (во всяком случае, в странах «золотого миллиарда») утратил возможность нажима на занятую часть наемного персонала путем снижения зарплаты. Реальная заработная плата, если брать длительные периоды времени, растет, и это выковывает обновленный механизм стимулирования: повышенное вознаграждение занятых и значительные материальные и моральные потери жертв безработицы²⁴ при довольно высоком ее уровне.

3. Информационные несовершенства и современная теория фирмы

Приведенные рассуждения позволяют Стиглицу перейти к изложению более широкой микроэкономической теории, учитывающей последствия несовершенной информации не только на рынке труда, но и на рынках готовой продукции и капитала. Эту расширенную концепцию сам автор именует «современной теорией фирмы», которая покоится на трех столпах — теориях «финансирования корпораций», «корпоративного управления» и «организационных схем».

Излагая первую из них, ученый контраргументирует центральное утверждение «теоремы Модильяни — Миллера» относительно индифферентности фирмы к выбору между привлечением капитала на основе заимствования средств кредитных учреждений и увеличением собственного капитала посредством эмиссии акций. Он подчеркивает: действия рыночных агентов, включая рассматриваемый выбор, передают определенную информацию, и, зная об этом, другие участники рынка соответствующим образом корректирует свое поведение. Так, эмиссия акций компании сигнализирует о том, что ее собственники или менеджеры считают акции переоцененными; в результате реакции рынка курс последних снижается, и привлечение дополнительных фондов эмиссионным путем становится слишком дорогим. Но эти зависимости не учитываются авторами «теоремы», проигнорировавшими значимость фактора информационных потоков, хотя налицо многочисленные эмпирические свидетельства, согласно которым лишь сравнительно небольшая часть новых инвестиций финансируется с помощью эмиссий акций²⁵.

Раскрывая суть своей концепции корпоративного управления (второй составляющей «современной теории фирмы»), Стиглиц обращает внимание на следующее: старая теория, допускавшая существование совершенной информации, исходила из того, что фирма просто максимизирует ожидаемую дисконтируемую прибыль, а

как создания «новой политической экономии» на основе синтеза разных направлений общей экономической теории» статьи В. Черковца «Первый элемент системы экономических наук (еще раз по поводу 200-летия преподавания в России политической экономии и к оценке новейших дебатов о ее современных роли и вузовском статусе)» (см.: Российский экономический журнал. — 2005. — № 4. — С. 61-63). - Ред.

²⁴ «...Факт увольнения, — отмечает Стиглиц, — несет в себе информацию, обычно он является как бы клеймом» (Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков. Т. V. Кн. 2. — С. 547).

²⁵ См.: там же. - С. 554, 585-586.

вопрос, как именно это делается, оставался за рамками анализа. Между тем в реальности «корпоративное управление играет очень значительную роль», поскольку у менеджеров имеется возможность реализовывать свои интересы за счет акционеров, а у держателей крупных пакетов акций — за счет «миноритариев»²⁶.

Комментируя третью часть «современной теории фирмы», ученый указывает, что «в мире совершенной информации выбор организационной схемы... не играет значительной роли. Но в реальном мире это центральная проблема для бизнеса»²⁷. Реагируя на нередкие ситуации, когда перспективные проекты в неэффективных организационных системах отвергаются, а бесперспективные — принимаются, Стиглиц и его коллеги выдвинули следующую гипотезу: при определенном ряде обстоятельств, особенно при дефиците перспективных проектов, «децентрализованная полицентрическая структура имеет явные преимущества»²⁸.

Краткость изложения в нобелевской лекции теории фирмы Стиглица и вытекающих из нее выводов с лихвой «компенсируется» содержанием новейших монографий ученого, особенно вышеупомянутой книги «Ревущие девяностые», посвященной анализу знаменитого американского экономического бума 90-х годов. Взять, к примеру, небезызвестную проблему «принципал—агент», когда менеджер корпорации («агент»), призванный действовать в интересах собственников-акционеров (своих «принципалов»), на деле преследует прежде всего свои корыстные цели. Автор «Ревущих девяностых» подробно показывает, каким образом, используя монополию на внутрикорпоративную информацию, высшие менеджеры компаний США обретали возможность увеличивать размеры своего вознаграждения до заоблачных высот. Причем они опирались на систему стимулирования высшего управленческого звена корпораций с помощью фондовых опционов: пакеты акций приобретались топ-менеджерами (или передавались им как часть жалования) по фиксированной цене с правом продажи по рыночному курсу в момент исполнения опциона. Соответственно у высших «агентов» сформировался интерес к «надуванию» курса акций управляемых компаний любой ценой — вплоть до утраты реальной связи с производственной и финансовой эффективностью. Это стремление к завышению курсов акций и текущих корпоративных прибылей воплотилось в многообразных мошеннических действиях (в том числе с использованием подставных фирм), причем под искусственно разбухавшие обороты и прибыли брались новые займы у банков, осуществлялись дополнительные выпуски акций. Сети «серых» операций развернули крупнейшие промышленные и транспортные компании, банки и аудиторские фирмы... Финансовый коллапс грянул в США в 2000—2001 гг., и дело закончилось крахом энергетического гиганта «Энрон», крупнейшего поставщика транспортных услуг — фирмы «УорлдКом» и ряда менее крупных корпораций, считавшихся, кстати заметить, образцами американского предпринимательства («схлопывание» огромного «мыльного пузыря» обусловило также резкое снижение рейтингов банков «Морган Чейз», «Мерил Линч» и «Сити бэнк», вызвало крах аудиторской фирмы «Артур Андерсен» и нанесло невосполнимый урон репутации адвокатской конторы «Винсон энд Элкинс», поскольку обнаружилось, что все они обслуживали банкротов и фактически содействовали последним в реализации мошеннических схем).

²⁶ См.: Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков. Т. V. Кн. 2. — С. 588.

²⁷ Там же. - С. 550.

²⁸ Там же.

Возмущение общества вызвали обнародованные факты о деятельности высших менеджеров корпорации «Энрон», регулярно и с колоссальной прибылью реализовавших принадлежавшие им пакеты акций на фондовом рынке (общая сумма продаж этих пакетов превысила 1 млрд. долл.) и одновременно уговаривавших служащих компании не продавать свои акции — для поддержания выгодного курса; очевидно, с той же целью пенсионный фонд корпорации инвестировал около 1 млрд. долл. в ее ценные бумаги, стоимость которых, пишет Стиглиц, после банкротства «Энрона» попросту «испарилась»²⁹.

Эти ярко охарактеризованные Стиглицем коллизии пока не являются непосредственно актуальными для России, поскольку «средний класс» в нашем обществе все еще очень мал, и вложения наемных работников в акции представляют ничтожную величину. Доморощенная «олигархия» обирает население менее изощренными методами, среди которых ведущую роль играют сверхльготная (для финансовых магнатов) приватизация, а также перераспределение денежных средств через банковские кризисы. Но финансовая система России в принципиальном плане, понятно, отнюдь не имунна к схемам, продемонстрированным менеджментом «Энрона» и его партнерами. Мошенники высшего полета всегда служили примером для своих «братьев меньших», и это тем более так в условиях глобализации. Фраза «De te fabula narratur» (как известно, приведенная Марксом в предисловии к первому изданию первого тома «Капитала») поистине «крылатая»: коллизии формирующегося постсоветского капитализма, похоже, еще не раз заставят нас вспомнить историю бурного взлета и краха американского гиганта, всего за несколько лет ставшего «эмблемой всего того ошибочного и нечестного», что происходило в последнее десятилетие в корпоративной сфере США под аккомпанемент «свободно-рыночных заклинаний»³⁰.

4. Рецепты экономической политики: альтернатива ультралиберализму

Уже в преамбуле нобелевской лекции Стиглиц формулирует «сверхзадачу» своих изысканий: «Я надеюсь показать, что информационная экономика представляет собой фундаментальное изменение парадигмы, господствующей в экономической науке»³¹. Отвергая ультралиберальную парадигму, в основе которой лежит тезис А. Смита о том, что свободный рынок, «как бы управляемый невидимой рукой», приводит к эффективному результату³², он заявляет: «Ряд идей, которые я здесь представляю, подрывает теорию Смита и лежащий в ее основе взгляд на государство. Из этих идей следует, что причина «невидимости руки» заключается просто в ее отсутствии или, по крайней мере, в том, что она парализована»³³.

В лекции подвергается критике также «фундаментальная теорема экономики благосостояния», восходящая к трудам Парето, которая «обосновывает как опору на свободный рынок, так и «уверенность в том, что проблемы распределения дохода могут быть отделены от проблем эффективности экономики»³⁴. Логическим про-

²⁹ См.: Стиглиц Джозеф. Ревущие девяностые. Семена развала. — С. 293.

³⁰ См.: там же. — С. 292.

³¹ Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков. Т. V. Кн. 2. — С 535.

³² См.: там же. — С. 536.

³³ Там же.

³⁴ Там же. — С. 579.

должением этого критического анализа служат замечания в адрес известной «теоремы Эрроу—Дебре», содержащей доказательство существования общего равновесия по Вальрасу—Парето³⁵.

Можно утверждать, что Стиглиц не оставил без обстоятельной контраргументации ни одну из «теорем», лежащих в основе современного рыночного фундаментализма. Каждое положение о том, что функционирование конкурентного рынка обеспечивает оптимальное распределение ресурсов, подвергается им конструктивному критическому разбору с позиций новой — «информационной» — парадигмы, т.е. концепции «асимметрии» информации для разных агентов рынка.

В этом контексте представляется важным отметить, что в книге «Ревущие девяностые» критика «рыночного фундаментализма» ведется на материалах «новой экономики», основанной на новейших информационных и телекоммуникационных технологиях. Вышеупомянутый экономический бум, происходивший в ведущих капиталистических странах, прежде всего — в США, в 90-х годах, сопрягался со стремительным развитием высокотехнологичных отраслей, сопровождался бурным ростом производительности труда и национального дохода, массовым созданием высокооплачиваемых рабочих мест, образованием новых деловых организаций, и т.д. Однако «новая экономика» принесла с собой и новые коллизии, главнейшая из которых, по мнению Стиглица, заключается в усилении «асимметрии» информации. В головокружительном мире мгновенных и массовых многомиллиардных сделок преимущество в доступе к информационным потокам и в их контроле приносит беспрецедентные прибыли. Отсюда и резкое обострение проблемы «принципал — агент», и тенденция к сокрытию информации, и социальные перекосы; в конечном счете львиная доля выигрыша от «новой экономики» притекает в руки сверхбогачей.

По мнению Стиглица, всех этих отрицательных явлений можно было избежать, если бы американское общество и особенно круги, ответственные за экономическую политику, осторожнее подходили к практике либерализации экономики и ее дерегулирования. Как свидетельствует опыт США 90-х годов, дерегулирование авиационных перевозок, сферы телекоммуникационных услуг и, разумеется, энергоснабжения чревато самыми серьезными негативами. Свидетельством тому явился, в частности, энергетический кризис в Калифорнии, спровоцированный произволом локальных монополий, добивавшихся семикратного роста тарифов на электроэнергию. Это вызвало серьезные перебои в ее подаче, резкий (достигший 47 млрд. долл.) рост долга одного из богатейших регионов США. В итоге дерегулирование было отменено.

Факт «асимметрии» информации, в рамках которой одна из сторон соглашения или сделки обладает более обширной и качественной информацией, нежели другая, как раз и подрывает, согласно Стиглицу, позиции тех, кто выступает за дальнейшее дерегулирование экономики в соответствии с идеологией рыночного фундамента-

³⁵ «На самом деле модель Эрроу—Дебре служит идентификации единственного множества допущений, при котором рыночный механизм эффективен (в смысле Парето). Для этого информация должна быть совершенной, или точнее, информация (представления участников) не должна быть *эндогенной*. Эти представления не могут изменяться в результате действий любого индивида или фирмы, включая инвестиции в информацию. Но в информационной экономике модель, в которой есть допущение, что информация *фиксирована*, представляется возрастающе *иррелевантной*» (Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков. Т. V. Кн. 2. — С. 583 — 584).

лизма: в связи с этим фактом «провалы рыночного механизма являются всепроникающими»³⁶.

Как уже отмечалось, в трудах Стиглица проблема несовершенной информации (информационной асимметрии) раскрывается в значительной мере в ходе анализа системы вознаграждения высшего менеджмента корпораций, раздувшего «мыльный пузырь» на фондовом рынке, пользуясь серьезными недостатками системы бухгалтерского учета и аудита. Причем, как показывается в «Ревущих девяностых», создание «мыльного пузыря» начиналось уже на стадии первичного размещения акций — IPO («initial public offerings»); эта практика строилась на избирательном искусственном раздувании курсов некоторых акций, и в результате крупнейшие финансисты, или, по образному выражению Стиглица, «финансовые бегемоты», получали миллиарды долларов, формируя свой выигрыш «за счет проигрыша других — в большинстве случаев рядовых акционеров»³⁷.

Ученый устаналивает, что финансовое мошенничество корпораций, особенно широкое применение формально легитимных схем с использованием «асимметричной» информации, во многом опиралось на крупнейшие банки США. Так, именно для 90-х годов стала типичной следующая ситуация: банки уже в фазе IPO распределяют перспективные акции среди дружественных организаций, а также помогают «Энрону» и другим компаниям создавать офшоры (для сокрытия истинного состояния корпоративных финансов), банковские аналитики ведут агрессивную рекламу сомнительных акций, и т.п.³⁸ Роковую, по мнению Стиглица, роль сыграла отмена знаменитого закона Гласса—Стигала (принятого в 1933 г.), запрещавшего банкам США сочетать выдачу ссуд с деятельностью по размещению корпоративных ценных бумаг (этот закон, не секрет, сыграл важнейшую роль в реализации «нового курса» Рузвельта по выведению страны из «великой депрессии», и его упразднение ознаменовало линию на общее дерегулирование экономики). Действительно, появившаяся у банков свобода рук сплошь и рядом усугубляла стремление к сокрытию деловой информации. Как показывает Стиглиц, коль скоро инвестиционный банк (превращавшийся после отмены закона Гласса—Стигала в банк универсальный) начинал «проталкивать» на рынок акции той или иной компании, у его руководства появлялся стимул предоставлять этой компании ссуды безотносительно к ее кредитоспособности. В результате резко ослабевала функция контроля банков за деятельностью фирм-дебиторов. Серия корпоративных и финансовых скандалов, последовавших за крахом «Энрона», обнаружила, что многие банки продолжали кредитовать опекаемые ими фирмы почти до дня объявления банкротства последних. Руководство банков, как правило, осознавало степень риска, однако надежды на новые сверхприбыли от будущих дилерских операций (в случае, если соответствующим фирмам удастся пережить шторм) делали рассматриваемое кредитование слишком соблазнительным. Не исключено также, что некоторые банки продолжали его, опасаясь, что банкротство «опекаемых» ими фирм прольет свет на сомнительные операции «опекунов», в том числе по заведомо ложной рекламе акций обанкротив-

³⁶ Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков. Т. V. Кн. 2. — С. 582.

³⁷ Подробно об этом см.: С т и г л и ц Д ж о з е ф. Ревущие девяностые. Семена развала. — С. 53-54.

³⁸ См.: там же. — С. 190.

шейся компании. Так или иначе многие банки выдавали ссуды до последней возможности, надеясь помочь корпорациям сохраниться на плаву³⁹.

Стиглиц полагает, что «центральной проблемой современных экономик является задача обеспечения совместимости интересов»⁴⁰, тогда как политика дерегулирования препятствует ее решению. Эта политика не ослабляет, а существенно усиливает информационную «асимметрию», а вслед за ней и общее социальное неравенство, ибо «несовершенная информация дает некоторым людям возможность действовать способами, позволяющими наживаться за счет других, причем за счет именно тех лиц, которых они призваны обслуживать»⁴¹. Из данного тезиса следует, что ученый не выводит вопрос об «асимметрии» информации из социального контекста. В его книгах и статьях за темой «асимметрии» информации просматривается более общая тематика, связанная с «асимметрией» собственности и экономической власти⁴².

Это тем более касается подхода Стиглица к анализу современных международных экономических отношений: на первый план здесь выдвигается острейшая проблематика глобального неравенства «асимметрии» национальных экономических и социальных потенциалов. Так, пресловутое понятие «глобализация», фигурирующее в заглавии одной из вышеупомянутых последних монографических работ ученого⁴³, содержательно трактуется им далеко не только как всеобщее снятие барьеров на пути международной торговли и трансграничного движения технологий «новой экономики»; речь идет и о сознательном навязывании странам, следующим в той или иной степени в фарватере США, американской модели капитализма и американизированной идеологии рыночного фундаментализма. «Выступая как носители единственной формулы гарантированного процветания, — пишет Стиглиц, — мы... заставляли другие страны делать дела по-нашему. Как через нашу собственную экономическую дипломатию, так и через влияние дотируемого американцами Международного валютного фонда, дядя Сэм действовал в обликий доктора Сэма, раздавая свои рецепты остальному миру: сокращайте ваш бюджетный дефицит, снижайте ваши торговые барьеры, приватизируйте коммунальные услуги. Подобно некоторым врачам мы были слишком заняты... самими собой для того, чтобы выслушивать пациентов, излагавших свои собственные идеи»⁴⁴.

К международным экономическим проблемам Дж. Стиглиц подходит как опытный и компетентный эксперт⁴⁵, всесторонне анализирующий глобализационные процессы во всем их многообразии. Прежде всего он подвергает критике идеологию

³⁹ См.: Стиглиц Джозеф. Ревущие девяностые. Семена развала. — С. 210—213.

⁴⁰ Там же. — С. 220.

⁴¹ Там же.

⁴² О том, что Стиглицу ясна корреляция между неравным доступом к информации и неравенством в отношениях собственности, свидетельствует следующий пассаж: «... В период девяностых годов общая оплата глав американских корпораций вырвалась из-под воздействия обычных экономических сил. Их вознаграждения взлетели до невиданно высоких уровней, пренебрегая всеми экономическими законами... В 2000 г. главы корпораций в Америке получали в 500 раз больше, чем заработная плата среднего наемного работника» (Стиглиц Джозеф. Ревущие девяностые. Семена развала. — С. 173).

⁴³ Речь идет о книге «Глобализация: тревожные тенденции».

⁴⁴ Стиглиц Джозеф. Ревущие девяностые. Семена развала. — С. 68.

⁴⁵ В 1997—2000 г. он работал во Всемирном банке — в должности сначала главного экономиста, а затем первого вице-президента.

двойных стандартов, опираясь на которую вели и ведут дела американские внешне-политические и экономические ведомства: «Развивающимся странам было сказано, чтобы они открыли свои рынки для всех форм импорта, какие только можно вообразить, включая то, в чем Америка имела неоспоримые преимущества, в частности, финансовые услуги и программное обеспечение для компьютеров. Мы же при этом сохранили жесткие торговые барьеры и крупные субсидии для американских фермеров и агробизнеса»⁴⁶. Кроме того, стандартные рекомендации развивающимся странам со стороны МВФ и других международных организаций, находившихся под контролем США, заключались в резком сокращении госрасходов, без которого выход этих стран из экономического кризиса якобы затягивался, а то и вовсе срывался. Однако внутри самих США ставка на рост расходов и бюджетный дефицит по-прежнему оставалась и остается «рутинным средством» преодоления спада. Характеризуя подобную политику как сплошное лицемерие, ученый убедительно показывает, с одной стороны, что во имя реализации национальных интересов (или в более узком плане — интересов крупного бизнеса) американские правящие круги без колебаний корректируют рекомендации рыночного фундаментализма⁴⁷. С другой стороны, оставаясь наиболее мощной державой, Соединенные Штаты продолжают навязывать другим государствам ультралиберальный курс, что резко облегчает им внешнеэкономическую экспансию.

На протяжении последних десятилетий почти неизменной остается концепция «Вашингтонского консенсуса». Разработанный экспертами МВФ, Всемирного банка и Министерством финансов США, т.е. институтами, основное местонахождение которых — столица Соединенных Штатов, этот духовный продукт изначально предназначался для экспорта: он использовался в качестве концептуальной базы при обосновании как путей вывода из экономического кризиса стран «третьего мира», так и «шокотерапевтического» варианта рыночной трансформации в постсоциалистических странах. Теоретическая суть «Вашингтонского консенсуса» — все тот же рыночный фундаментализм, предполагающий минимум госвмешательства в экономику: государство сохраняет ответственность лишь за сокращение инфляции, а остальные проблемы, включая безработицу, возлагаются на спонтанно действующий рынок. Отсюда и такие императивные требования к экономической политике, как приватизация госсектора, режим жесткой бюджетной экономии и общая либерализации рынков товаров и факторов производства.

Первыми «учениками» в школе пресловутого «консенсуса» в 90-е годы всегда считались страны Латинской Америки, а среди них — Аргентина и Чили. Аргентина стала первой жертвой «обучения»: «горячие деньги» нерезидентов, наводнившие было фондовую биржу Буэнос-Айреса, побежали прочь при первых признаках грозы, оставляя за собой «экономическую пустыню»⁴⁸. Что касается Чили, то ее соот-

⁴⁶ Стиглиц Джозеф. Ревущие девяностые. Семена развала. — С. 67

⁴⁷ Долгие годы американское правительство (в лице своего Минфина) блокировало реализацию принципа прозрачности в деятельности офшорных банковских центров, мотивируя это интересами сохранения коммерческой тайны. И только когда выяснилось, что банковские офшоры обслуживают и террористические организации, Министерство финансов США изменило свою позицию (см.: *Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков. Т. V. Кн. 2.* — С. 605).

⁴⁸ «Аргентина была разрекламирована в качестве первого ученика реформ. Глядя на постигшую ее катастрофу, развивающиеся страны задавали себе вопрос: если это результат реформ, то какая же участь ожидает нас? И по мере того, как распространялись безработица и чувство уязвимости, а

ветствующий опыт оказался весьма противоречивым. С одной стороны, национальная экономика была радикально открыта внешнему миру в отношении торговли товарами, и чилийское правительство придерживалось стратегии равновесного бюджета. С другой, — требования по либерализации проводились здесь выборочно, селективно. Чили, например, не полностью либерализовала рынки капитала, введя налог на ввоз последнего. Принципиально важно, отмечает далее Стиглиц, что Чили не провела полной приватизации: значительную часть экспорта составляла продукция медных рудников, находившихся в госсобственности. Работали они «столь же эффективно, как частные, но в отличие от частных, которые перебрасывали прибыли за рубеж, приносили государству большой доход»⁴⁹. Наконец, чилийское правительство направляло крупные средства в такие сферы, как образование, здравоохранение, соцобеспечение, т.е. в те, что никогда, мягко говоря, не являлись приоритетными для творцов «Вашингтонского консенсуса».

Самое тревожное, отмечает ученый, заключалось в том, что, несмотря на заклинания о грядущем глобальном процветании, кризисы чуть ли не ежегодно поражали страны, следовавшие в фарватере идей и мер «Вашингтонского консенсуса». В 1997 г. кризисные потрясения охватили Южную Корею, Индонезию и Таиланд, в 1998 г. — Россию и Бразилию. В странах Юго-Восточной Азии крайне отрицательную роль сыграли реализованные рекомендации МВФ по сокращению государственных расходов вообще и государственной поддержки частному бизнесу в особенности. Так, политика «дорогих денег» подняла процентные ставки на рекордную высоту, что спровоцировало массовые банкротства предприятий. Между тем вполне возможным был альтернативный курс: приостановление платежей фирм по долгам с последующей их реструктуризацией (что сделало бы спад менее продолжительным и глубоким). Во всяком случае, констатирует Стиглиц, выбравшая близкий к такой альтернативе курс Малайзия вышла из кризиса быстрее и с меньшим долговым бременем, нежели соседний Таиланд, последовавший рекомендациям МВФ⁵⁰. Применительно ко всему региону Юго-Восточной Азии наиболее разрушительно требования «Вашингтонского консенсуса» показали себя в Индонезии: в этой стране политика МВФ, «включавшая отказ от субсидирования продовольствия и топлива для наиболее бедных слоев как раз в то время, когда страна погружалась в депрессию, а цены и уровень безработицы взлетели вверх, предсказуемым образом вела к мятежам; ее экономические последствия ощущаются до сих пор»⁵¹.

Конечно, российских читателей не может не заинтересовать позиция Стиглица по вопросу перехода от плана к рынку, или, как он пишет, — «от коммунизма к

плоды весьма умеренного роста в совершенно непропорциональной мере обогащали богатых, возросло осознание социальной несправедливости» (Стиглиц Джозеф. Ревущие девяностые. Семена развала. — С. 65). От редакции: детальный анализ скандально обанкротившейся в 2001-2002 гг. попытки воплощения в 90-х годах в Аргентинской Республике радикально-либералистской модели социально-экономического реформирования развернут в пространной статье С. Батчикова «Еще раз о поучительном опыте аргентинской реформы», опубликованной в №№ 1—3 «Российского экономического журнала» за 2006 г. См. также: Б а т ч и к о в С. Аргентина: дирижистская программа посткризисной модернизации и первые итоги ее выполнения // Российский экономический журнал. - 2006. — № 4.

⁴⁹ Стиглиц Джозеф. Ревущие девяностые. Семена развала. — С. 281.

⁵⁰ См.: Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков. Т. V. Кн. 2. — С. 600—601.

⁵¹ Там же. - С. 603.

рыночной экономике». Этот переход ученый оценивает в качестве одного из величайших экономических экспериментов в истории, основные итоги которого таковы: «провал» в России на фоне «успеха» в Китае⁵². Хотя, отмечает он в нобелевской лекции, «полный масштаб провала в России трудно оценить», к моменту обнародования лекции (в конце 2001 г.) в Российской Федерации произошло резкое падение доходов, а «число живущих в бедности возросло с 2 до 50%». Кроме того, стратегия приватизации, проведенной быстро и без создания эффективного корпоративного управления, как и предсказывалось многими, обусловила не повышение общественного благосостояния, а «обдирание активов» и «уничтожение национального богатства»⁵³.

Выводы напрашиваются сами собой. Страны, которые слепо следовали курсу МВФ, сплошь и рядом оказывались в весьма затруднительном положении, тогда как государства, проявившие в отношении указанных рекомендаций здоровый скептицизм и опиравшиеся в большей степени на альтернативные, национально ориентированные, разработки, сумели либо вовсе избежать экономического спада, либо прошли его со значительно меньшими потерями. Причина коренится в принципиальной порочности самой ультралибералистской концепции «Вашингтонского консенсуса», лежащей в основе рецептов МВФ и Министерства торговли США. Стиглиц характеризует ее как «примитивную» и замешенную на «грубом индивидуализме» консервативную идеологию, вопиюще противоречащую массиву эмпирических фактов и принимаемую исключительно на веру. По его мнению, рыночный фундаментализм «мог бы считаться обоснованным, если бы имели место совершенная информация, совершенная конкуренция, полный набор рынков и т.д.» Но таких условий нигде в мире не существует; они «не выполняются даже в наиболее передовых странах»⁵⁴.

5. Программа «демократического идеализма»

По всем вышеуказанным мотивам Стиглиц рекомендует изменить курс экономической политики. Он отнюдь не является сторонником социалистических идей и признает неустранимость «рыночного механизма» в экономике, однако причисляет себя к тем экономистам, «кому государство видится играющим важную, хотя и ограниченную, роль, корректирующую провалы рынка, и обеспечивающим социальную справедливость»⁵⁵. Исходя из этих посылок ученый определяет место своего проекта движения к социальному идеалу (своей программы «демократического идеализма») между концепцией государства, играющего доминирующую роль в экономике, и противоположными взглядами, отрицающими всякую пользу государственного вмешательства. Другими словами, Стиглиц позиционирует себя как социального философа, стоящего «между теми, кто считает капитализм насквозь прогнившей системой, и теми, кому рыночная экономика представляется безупречным и чудесным изобретением человека, обеспечивающим невиданное процветание для всех». Если взять шкалу мировой экономической мысли в целом, его проект выгля-

⁵² См.: Мировая экономическая мысль Сквозь призму веков. Т. V. Кн. 2. — С. 601.

⁵³ См. там же.

⁵⁴ Стиглиц Джозеф. Ревущие девяностые. Семена развала. — С. 336.

⁵⁵ Там же. — С. 384.

дит как выражение позиции убежденного центриста, однако в такой стране, как США, Стиглиц находится гораздо левее «центра». В Соединенных Штатах нет сильной социал-демократической партии, и ее место в политическом спектре занято левым флангом Демократической партии. В своих книгах их автор — представитель этого фланга и некогда влиятельный деятель администрации Клинтона — критикует бывшего шефа за недостаточно последовательную реформистскую политику, за уступки консервативному курсу дерегулирования экономики. Но главный объект критики — экономическая политика ультраконсерваторов как прошлых, так и нынешнего поколений.

Программа «демократического идеализма» обращена в первую очередь к американскому народу. Стиглиц призывает сограждан «выправить баланс между государством и рынком» — баланс, потерянный в «десятилетие Рейгана и Тэтчер» и лишь отчасти восстановленный в годы президентства Клинтона. Он призывает не верить «консервативным заклинаниям» относительно априорной неэффективности действий государства в экономике, развенчивает идеологему неоконсерваторов, согласно коей государство с небрежностью тратит деньги впустую, тогда как частный бизнес всегда расходует их бережно и с пользой. «События 1990-х годов, — пишет ученый, — должны были бы положить конец этим утверждениям: частный сектор транжирил деньги в таком темпе и таким образом, какие и не снились никогда большинству государственных чиновников, главы корпораций управляли своими империями без всяких сдержек, соперничая с наименее демократическими правительствами»⁵⁶. Он констатирует, что в это десятилетие менеджеры крупных фирм показали себя гораздо большими расточителями богатств, нежели государственные бюрократы. С этой точки зрения неконтролируемый частный бизнес ничем не лучше оторвавшихся от общественного контроля бюрократов.

Другой довод в борьбе с рыночным фундаментализмом ученый заимствует у крупнейшего специалиста по теориям организаций — лауреата Нобелевской премии по экономике 1977 г. Герберта Саймона. Этот видный американский экономист указывает, в частности, на то, что и коммерческие фирмы, и бесприбыльные организации, и бюрократические учреждения — «все они сталкиваются с проблемой, как обеспечить, чтобы деятельность их наемных работников была направлена на цели организации. Нет никаких оснований априори считать, что в организациях, преследующих цель максимизации прибылей, это легче (или труднее), чем в организациях, имеющих другие цели»⁵⁷.

Несомненной заслугой Стиглица является также критика других догм неоконсервативного свойства, включая опровержение как небезызвестного «эффекта Лаффера», согласно которому сокращение налогов на доходы богатых ведет не к падению, а к росту доходов бюджета, так и связанной с этой посылкой «экономической теории просачивания вниз», сторонники коей полагают, что льготирование обладателей крупных состояний — фактор повышения инвестиционной активности в экономике и умножения рабочих мест, т.е. роста налоговых поступлений, а в конечном счете и повышения благосостояния населения. Ученый констатирует, что соответствующие утверждения «Артура Лаффера, президента Рейгана и других... катастро-

⁵⁶ Стиглиц Джозеф. Ревущие девяностые. Семена развала. — С. 335.

⁵⁷ Цит. по: там же. — С. 337.

фически не оправдались с точки зрения фискального здоровья страны»⁵⁸ и что на протяжении двух десятилетий — в 1973—1993 гг. — материальное положение нижних доходных групп американских граждан ухудшалось⁵⁹. В условиях «протекционизма для корпораций», пишет Стиглиц, «свободно-рыночная риторика превращалась просто в прикрытие политической программы, включившей помощь нефтяным компаниям, более низкие налоги на богатых и меньшую поддержку бизнеса. Эпих двойных стандартов по-прежнему придерживаются многие «истинные консерваторы»⁶⁰.

Таким образом, в рассматриваемой программе «демократического идеализма» речь идет не просто об усилении государственного интервенционизма, но о такой системе госрегулирования, которая обеспечила бы значительную социальную переориентацию американской экономики. Автор программы последовательно исходит из наличия «законных областей» государственной деятельности — от образования и содействия технологическому прогрессу до социальной защиты престарелых и малоимущих — и утверждает, что без госвмешательства «рынок зачастую производит излишнее количество чего-либо — например, загрязнения — и слишком мало чего-либо другого — например, фундаментальных научных исследований»⁶¹.

В перечень сфер, государственное вмешательство в которые представляется Стиглицу целесообразным, входит «макроэкономическое регулирование в целом», включая в первую очередь антициклическую политику и политику полной занятости⁶², а также политику сокращения социального неравенства в аспектах обеспечения большей доступности качественного образования для выходцев из бедных слоев и увеличения доходов граждан с очень низкой зарплатой. Вместе с тем ученый адресует свой проект и «среднему избирателю», считая необходимыми «снятие акцентов с проблем малоимущих» и ориентацию социальных реформ на «всех американцев». Дело в том, что в 80-е годы и в последующие периоды неоконсервативным идеологам и политикам удалось буквально натравить средние слои на малоимущие — посредством демагогических заявлений, согласно которым последние, получая социальную помощь, «проедают» налоговые поступления «средних американцев». Отсюда и упор Стиглица на полезные не только для бедных, но и для среднего класса общенациональные программы, например, облегчающие гражданам покупку собственного жилья⁶³.

В качестве «основных ценностей демократического идеализма» Стиглиц называет социальную справедливость, политическую демократию и свободу, призывая к общему отказу от грубого индивидуализма в пользу более разумного и эффективного сочетания частной инициативы и коллективных действий. Ученый также подчеркивает, что эти устои его программы тесно взаимосвязаны: «Общества со значительным уровнем неравенства функционируют по-другому, чем более эгалитарные общества — хотя бы потому, что разница в экономической силе неизбежно преобра-

⁵⁸ Стиглиц Джозеф. Ревущие девяностые. Семена развала. — С. 337.

⁵⁹ См.: там же. — С. 338.

⁶⁰ Там же. — С. 339.

⁶¹ Там же. — С. 335.

⁶² «Первоприоритетной ответственностью государства является поддержание экономики на уровне полной занятости» (там же. — С. 344).

⁶³ См.: там же. — С. 342—354.

зуются в разницу в силе политической»⁶⁴. Интересным и глубоким в данном контексте представляется требование «устойчивости социальной справедливости», подразумевающее «благополучие поколений», обеспечиваемое сохранением здоровой экологии, сбережением природных ресурсов, поддержанием социальной инфраструктуры и развитием национального культурного достояния.

Последнее, что хотелось бы отметить, касается тезиса Стиглица о необходимости, выйдя за пределы дихотомии «рынок—государство», уделить пристальное внимание негосударственным институтам как гарантам демократического образа жизни и здорового коллективизма. Речь идет о негосударственных организациях в сфере здравоохранения и образования (например, частных университетах и школах, функционирующих на бесприбыльной основе), а также о кооперативах. Ученый подчеркивает, что «апологеты свободного рынка не только переоценивают роль рыночного механизма, они недооценивают потенциал негосударственных форм, кооперативной деятельности точно так же, как и необходимость присутствия государства»⁶⁵.

6. Глобализация «с человеческим лицом»

Эта формула введена в название одного из параграфов упоминавшейся выше книги «Глобализация: тревожные тенденции», посвященной международным экономическим проблемам. Ее автор остается верен себе, выступая в качестве критика и реформатора, т.е. обличителя всего несправедливого, что накопилось в международной жизни, и разработчика соответствующих позитивных проектов.

Исходный тезис, защищаемый здесь Стиглицем, заключается в том, что массовый протест против глобализации направлен вовсе не против всемирного объединения национальных экономик как такового; антиглобалистские движения противостоят тем отталкивающим формам, в которых ныне осуществляется интернационализация производства и капитала⁶⁶. И основная доля вины за то, что процесс глобализации принял неадекватные, а порой и уродливые, формы, лежит, по мнению ученого, на руководстве международных организаций — Международного валютного фонда, Всемирного банка и ВТО.

Особенно резко Стиглиц критикует политику МВФ. Хотя эта организация, у истоков которой стоял Дж. М. Кейнс, создавалась для оказания помощи странам, попадающим в кризисные финансовые ситуации, в настоящее время основные ее требования — либерализация рынка капиталов, свободная репатриация прибыли, поддержание высоких курсов национальных валют, и т.п. — выдвигаются и реализуются в интересах не столько стран-реципиентов кредитной «помощи», сколько ведущих финансовых центров развитого мира. С этой точки зрения понятно, пишет ученый, почему Фонд «придавал гораздо большее значение задаче обеспечения платежей кредиторам, чем помощи отечественному бизнесу... МВФ, может быть, и не стал сборщиком платежей для «большой семерки», однако он упорно (хотя и не всегда успешно) трудился, обеспечивая платежи кредиторам из «большой семерки»⁶⁷.

⁶⁴ Стиглиц Джозеф. Ревущие девяностые. Семена развала. — С. 354.

⁶⁵ Там же. — С. 244.

⁶⁶ «Проблема не в глобализации, а в том, как она осуществляется» (Стиглиц Джозеф. Глобализация: тревожные тенденции. — С. 249).

⁶⁷ Там же. — С. 243.

Приведенные положения — ключевые в авторском истолковании «тревожных тенденций» современной глобализации. Раскрывая их, Стиглиц в ряде случаев конкретно называет главных адресатов своей критики, в пользу которых действуют поименованные выше международные организации. Вот один из таких пассажижей: «Много лет назад бывший президент «Дженерал Моторс» и министр обороны Чарльз Э. Уильсон произнес знаменитый афоризм: «Что хорошо для «Дженерал Моторс», то хорошо и для страны». Это высказывание стало своего рода паролем определенных групп американского капитализма. Похоже, что часто аналогичных взглядов придерживался и МВФ: «Что финансовое сообщество считает хорошим для глобальной экономики, то хорошо для нее и должно осуществляться»⁶⁸.

Симптоматично, что в своей внутренней политике правящие круги Соединенных Штатов и не помышляли отказываться от инструментов антициклического или социального регулирования, тогда как развивающемуся миру и постсоциалистическим странам настойчиво рекомендовалась именно рыночно-фундаменталистская стратегия «Вашингтонского консенсуса». Международные организации, в руководстве которых США занимают лидирующие позиции, проводят политику, выгодную «финансовому сообществу» наиболее богатых стран. Таким образом, «оппозиция глобализации во многих регионах мира — это не оппозиция глобализации как таковой (новым источникам финансовых средств для обеспечения экономического роста или новым экспортным рынкам), но оппозиция определенному пакету доктрин, политике Вашингтонского консенсуса, навязанного миру международными финансовыми институтами»⁶⁹.

Яснее не скажешь: доктрина рыночного фундаментализма как идейный продукт экспортного назначения представляет собой орудие, закрепляющее статус-кво, т.е. существующий разрыв между странами «золотого миллиарда» и остальным миром, а в более узком плане — курс на сохранение и упрочение «Pax Americana» — глобального социально-экономического и политического лидерства северо-американской сверхдержавы. Да и о том, что приносит такая стратегия странам-получателям кредитной помощи от МВФ, говорится вполне определенно: предоставляемые Фондом миллиарды долларов «используются для поддержания валютных курсов в течение короткого времени на явно неустойчивых уровнях. За это время иностранцы и местные богатые успевают вывести свои деньги из страны на более выгодных для себя условиях (чему содействует навязанная МВФ странам-должникам либерализация рынка капитала)»⁷⁰.

Таким образом, описывается целостный механизм финансовой эксплуатации стран-должников. Однако дело здесь не только во внешнем на них воздействии: сложившиеся формы финансово-экономической глобализации были бы невозможны без определенной поддержки изнутри объектов. Стиглиц обращает внимание читателей на тот факт, что в самих странах-должниках, включая Россию, проявляли соответствующую активность круги, кровно заинтересованные в политике рыночного фундаментализма, пусть и грубо попирающей общенациональные интересы⁷¹. Как фак-

⁶⁸ Стиглиц Джозеф. Глобализация: тревожные тенденции. — С. 229.

⁶⁹ Там же. — С. 256.

⁷⁰ Там же. — С. 244.

⁷¹ Свойства правящей элиты России 90-х годов, ее моральный облик и способы взаимоотношений с международными организациями характеризуются Стиглицем следующим образом: «В значительной мере сами русские, по крайней мере, узкая группа элиты, загнали свою страну в такое

тически следует из его произведений, политику «Вашингтонского консенсуса» поддерживал мощный и влиятельный блок: «финансового сообщества» высокоразвитых стран, «международных бюрократов» МВФ и прочих наднациональных органов, с одной стороны, обогатившихся в ходе «либерализации» и «приватизации» компрадорских групп внутри развивающихся и постсоциалистических стран, — с другой.

Неудивительно поэтому, что страны, реализовавшие рекомендации МВФ, попали в результате реформ в весьма трудное (если не сказать резче) положение; к числу государств-неудачников Стиглиц относит Чехию и Россию, а в регионе Юго-Восточной Азии — Индонезию и Таиланд. И напротив, страны, выбравшие самостоятельный путь (в Азии к ним относятся Китай, Вьетнам и в какой-то степени Малайзия, а в Центральной Европе — Венгрия и Польша), добились несомненных успехов. «Все экономические удачи, — подчеркивает ученый, — объединяет одно — преобразования были «доморощенными», разработанными изнутри теми, кто чувствовал нужды и потребности своих стран... Экономические преобразования носили прагматический характер — голая идеология или модели из учебников политику не определяли»⁷².

Переходя от критики к формулированию своих позитивных соображений, он пишет, что основой успешно развивающихся стран в перспективе останется рыночная модель экономики; в этом его окончательно убедил коллапс советской плановой системы. Но капитализм, по мнению Стиглица, не является экономическим строем, воспроизводимым по единому шаблону: «Между японской версией рыночной системы и германской, шведской и американской есть существенные различия. Существует ряд стран, душевой доход которых сопоставим с таковым Соединенных Штатов, но в них неравенство и бедность меньше, а состояние здоровья населения и другие показатели жизненного уровня выше, чем в США (по крайней мере, с точки зрения тех, кто там живет)»⁷³. В качестве примера приводится шведская модель, которая успешно функционирует не только в плане предоставления государством качественных социальных услуг, но и в отношении нововведений, связанных с «новой экономикой».

Стиглиц считает, что американскому правительству пора перестать навязывать другим странам свой опыт и свою модель в качестве «единственно правильных». Тем более это относится к находящимся под эгидой Соединенных Штатов международным организациям (прежде всего к МВФ), длительное время обуславливавших свою помощь странам-реципиентам выполнением последними шаблонных требований в духе рыночного фундаментализма. Ученый убежден: глобализацию можно и нужно использовать «в интересах большинства». Но для этого МВФ и прочие международные организации должны «вернуться к первоначальному мандату», вы-

трудное положение. Сами россияне принимали ключевые решения, например, о залоговых аукционах. Мы можем утверждать, что россияне манипулировали западными институтами в гораздо большей степени, чем на Западе понимали Россию. Высшие правительственные чиновники, такие, как Анатолий Чубайс, открыто признают, что вводили в заблуждение МВФ (хуже того — просто лгали). Они чувствовали, что должны врать, чтобы получить деньги, в которых нуждались» (там же. — С. 227-228).

⁷² Там же. — С. 221.

⁷³ Там же. — С. 252.

работанному под влиянием идей Кейнса, т.е. перестать выкачивать деньги в пользу финансовых центров высокоразвитых стран и начать реально помогать государствам, отставшим в развитии.

Позитивную международную программу Стиглица, названную им «программой глобализации с человеческим лицом», с некоторой долей условности можно разделить на две части. Первая касается преобразования мировой финансовой системы, а также помощи развивающимся странам и странам с переходной экономикой. Ученый предлагает, в частности, реформу процедур банкротства, усовершенствование банковского регулирования и управления рисками в отношении валютных курсов, изменение механизмов социального страхования и общего антикризисного регулирования. Особое значение придается нейтрализации угроз, проистекающих из либерализации рынка капиталов, в том числе связанных с хорошо известными ситуациями, когда «горячие деньги», внезапно одномоментно покидают ту или иную страну, оставляя за собой «выжженную пустыню». В целом же Стиглиц рекомендует МВФ и другим организациям покончить с мелочной опекой государств, получающих помощь, отказаться от навязывания идей в духе «Вашингтонского консенсуса» и определить в качестве главной цели «предоставление финансовых средств для восстановления совокупного спроса в странах, столкнувшихся с экономической рецессией»⁷⁴.

Вторая часть программы носит более общий и гуманитарный характер. Утверждается, в частности, что «глобализация означает растущее признание того, что есть сферы, где требуются глобальные коллективные действия, и для этого существенно важны системы глобального управления»⁷⁵. Автор программы напоминает об основном выводе своих теоретических разработок: всюду, где информация на рынке является «асимметричной», необходимо вмешательство государства — даже если последнее само страдает от несовершенства информации. Идеологии спонтанной рыночной глобализации, с неизбежностью сопровождаемой навязыванием права сильного, противопоставляется всемирная стратегия «коллективных действий» на демократических, справедливых началах

«Коллективные действия» и международные демократические институты необходимы далеко не только для предотвращения мировых экономических кризисов. С их помощью должны решаться проблемы глобальной экологии (в том числе связанные с загрязнением океанов и атмосферы, всеобщим потеплением), а также всемирные проблемы здравоохранения (включая борьбу с эпидемическими заболеваниями). Одна из форм коллективных действий — гуманитарная помощь, причем ключевая роль в ее наращивании должна принадлежать международным организациям, и не в последнюю очередь — Всемирному банку. Его миссию, согласно Стиглицу, не следует ограничивать чрезвычайной помощью государствам, попавшим в кризисную ситуацию: гораздо важнее стимулировать реализацию и повышение антикризисного потенциала экономик развивающихся и переходных стран.

Ученый полагает, что для гуманизации глобальных процессов требуется глубокая реформа самих международных организаций и что первый шаг в нужном направлении состоит в придании этим институтам большей прозрачности, снятии с их деятельности режима секретности. В ходе дальнейшего изменения системы управления

⁷⁴ Стиглиц Джозеф. Глобализация: тревожные тенденции. — С. 276.

⁷⁵ Там же. - С. 258.

процессами глобализации «должен быть пересмотрен порядок предоставления права голоса в МВФ и ВТО; также должны произойти изменения во всех международных экономических институтах, чтобы были слышны голоса не только министров торговли, как в ВТО, или министров финансов, как сейчас в МВФ и Всемирном банке»⁷⁶.

Реформы в формализованных системах управления указанных организаций, осознает Стиглиц, быстро не произойдут. Однако он считает необходимым добиваться изменений в их «практике и процедурах», например, путем выделения большего числа мест в их руководящих органах представителям развивающихся стран, лидерам профсоюзов, и т.д. Перспективным выглядит также предложение ученого относительно создания независимого от международных экономических организаций «мозгового треста», который помогал бы развивающимся странам в разработке стратегий и в обосновании позиций⁷⁷.

Сам факт выдвижения подобных требований одним из лидеров американской экономической науки, занимавшим видные посты в составе национального и международного истеблишментов, свидетельствует о многом. Последствия доминирования одной сверхдержавы и шире — национального, сословного эгоизма высших слоев высокоразвитых стран — столь очевидно негативны, что многое меняется даже в головах интеллектуальной элиты этих стран или хотя бы ее части. В самих США рождается демократическая и гуманистическая альтернатива мировому порядку «Pax Americana».

7. К общей характеристике теоретических воззрений ученого

Одно из несомненных достоинств этих воззрений заключается в том, что, будучи взяты в целом, они образуют не конгломерат разрозненных положений, а определенную систему. В методологии Стиглица четко просматривается его опора на факты, стремление к эмпирической проверке всех, в том числе исходных, положений современной экономической теории. Основой его собственно теоретических построений служит концепция «асимметрии» информации, задействуемая, как было показано, в частности, в обновленной теории фирмы и в теории занятости; ш макро-, а также на мегауровне (в сфере международных экономических отношений) эта концепция трансформируется в теорию «асимметрии» экономической власти (в отмеченной сфере — национальных хозяйственных потенциалов). Развертывание системы взглядов ученого завершается формулированием им практически значимых программ, как национального, так и международного характера.

С неоднократными заявлениями Стиглица о своей приверженности кейнсианству (и соответствующими оценками историков экономико-теоретической мысли) следует, наверное, согласиться, но не безоговорочно: жестко, однозначно определить его принадлежность к тому или иному направлению западной экономической теории довольно трудно.

Так, в его методологии, действительно, присутствуют кейнсианские черты: упор на моменты неопределенности функционирования рыночной системы, неустойчи-

⁷⁶ Стиглиц Джозеф. Глобализация: тревожные тенденции. — С. 263

⁷⁷ См. об этом: там же. — С. 257—263.

ности ожиданий агентов рынка. Далее, хотя в работах ученого нередко ссылки на «новую экономику», подробный анализ соответствующих сдвигов в технологическом, производственном потенциале высокоразвитых стран фактически отсутствует, и «новая экономика» берется скорее как данность; такое абстрагирование от производственной — базисной — стороны экономической жизни тоже методологически сближает Стиглица с Кейнсом и его последователями.

Однако, если центральной категорией кейнсианской теории, как известно, служит категория эффективного спроса, то в рассматриваемых трудах анализ совокупного платежеспособного спроса, его факторов малозначим. Стиглиц озабочен дефицитом не столько спроса, сколько информации, точнее, неравенством в доступе к ней отдельных участников рынка. Именно отсюда ученый выводит неполную занятость и неравновесность как типичные состояния капиталистической рыночной системы, отсюда же проистекает его приверженность государственному вмешательству в экономику. Это означает, что его нельзя причислить к носителям «экономической теории спроса» («demand-side economics»), акцентирование и развитие которой характерны для кейнсианства — как хрестоматийного правого (представленного произведениями Э. Хансена, П. Самуэльсона, Дж. Хикса), так и левого реформаторского (работами Р. Харрода и особенно Дж. Робинсон).

Другое дело — предложенная Стиглицем программа практических действий. Кейнсианские мотивы звучат здесь и в критике «рыночного фундаментализма» (как неоклассического направления в целом, так и его современных ответвлений, в том числе «экономической теории предложения» А. Лаффера и теории «рациональных ожиданий» Р. Лукаса и Э. Прескотта), и в упорном обосновании стратегии государственного регулирования и «коллективных действий» (хотя автор отдает себе отчет, что «провалы» в экономике свойственны не только рынку, но и государству), и в концептуальных положениях предложенных «демократического идеализма» для Соединенных Штатов, а также «глобализации с человеческим лицом» для всего мира. Творчество Стиглица, видимо, следует трактовать как деятельность прогрессивного аналитика, стоящего на позициях *кейнсианско-институционального синтеза* (в этом и состоит содержательный смысл «новизны» кейнсианства ученого, отмеченной в заголовке настоящей статьи). Действительно, сама «асимметрия информации», играющая центральную роль в его рассуждениях, по сути есть не что иное, как определенный институт, причем один из важнейших в современной рыночной системе. В его книгах развернута критика таких мирохозяйственных институтов, как МВФ, Всемирный банк и ВТО. И вообще, главные предложенные Стиглицем реформы — это реформы институциональной структуры общества.

Такова общая характеристика теоретических воззрений безусловно незаурядного экономиста и реформатора «экономике», активно и конструктивно выступающего за ее гуманизацию. Мир идей Джозефа Стиглица, как и ряда других оппонентов «мэйнстрима», свидетельствует о том, что общая экономическая теория и в западной своей версии не является сплошь и рядом «мрачной» наукой, что гуманистическая традиция, отражая объективный вектор эволюции современной мировой экономики, неустранима.